

Панина Т.

Судьба любви

Ну и молодежь нынче пошла — два притопа на танцплощадке и уже в загс бежит, до чего же легкомысленные! Да, разговоров было много. Внешне у Миши и Маргариты так все и выглядело.

Он:
— Я тогда, в середине 1985 года, только прибыл по назначению в Забайкальский военный округ, в Читу, после окончания Тамбовского военного авиационно-инженерного училища. Нет, жениться не собирался, и в мыслях не было. А тут в один из выходных друг Игорюха вытащил в ресторан, не помню уж по какому поводу. Сидим, рассказываем друг другу «небылицы» из офицерской жизни. Шум, музыка вокруг трохочет.

Вдруг чувствую, что-то мне будто мешают, какой-то навязчивый образ. Стоп, командир, думаю, обернись еще раз — точно, так и есть. Выхватываю из компании за соседним столиком ее лицо. Ну не знаю, что произошло. Были раньше у меня девочки, но тут... Внутренний голос подсказал — она! Действуй, командир, решительно и смело. Я встал и пошел за своей женой.

Она:
— У меня тогда столько событий сразу произошло: с отличием окончила техникум, без экзаменов приняли на заочное отделение института кооперативной торговли. Такой теплый золотой сентябрь стоял...

В тот вечер у подружки был день рождения, и мы, компания бывших одноклассников, пришли в «Даурию».

За соседним столиком сидели двое ребят. Они так азартно бились, что-то обсуждая, стараясь перекинуть музыку, так весело смеялись, что никого вокруг не замечали. И вдруг один из них, высокий, красивый блондин, встает и направляется прямо ко мне. Да так уверенно, будто сто лет меня знает. В общем, в тот вечер я уже ни с кем танцевать не могла... Этот «франт» (одет был в штатский, такой щегольской, с иголочки, костюм) не то чтобы покорила меня, скорее удивил: говорить мог о чем угодно, на любые темы, как ходячая энциклопедия. За один вечер я узнала и о поселениях греков, и о чудесах параситологии, и о технике каратэ, и, наконец, о том, что я... «без пяти минут его жена».

Конечно, не придала этому значения, а на следующий день девочки в магазине, где я работала, говорят: там какой-то офицер тебя у выхода ждал. У меня папа военный, может, подумала, он кого-то прислал. Выхожу — Миша. Ах, вот оно что, а я то гадала, кто же это такой умный да самоуверенный до безобразия. Напросился в гости, сразу покорила мою маму: отремонтировал наш старый шкаф...

С руками парень — сделала она заключение. А в части уже папа по своим каналам справки навед, сообщил: «И с головой!»

Сопротивлялась я недолго, разве можно было устоять против таких доводов: знаешь, убеждал, — как хорошо быть замужем — в отпуск поедем, чемодан тебе не надо будет нести и спойка будешь, что не украдет его никто. Я никогда не могла понять, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

Он:
— В ней было все, к чему я стремился и, кажется, интуитивно разгадал.

Она:

— В нем было что-то от урагана, шторма, какой-то необузданной стихии, сокрушающей все преграды — и мою растерянность, и мамин протест: какое замужество, ты и недели его не знаешь! А как же институт? А жить где будете? В это время Миша уже заносил вещи в квартиру, которую снял на... одной с нами лестничной площадке!

А в загс как пришли мы заявление подавать! Там такая строгая женщина в очках сидит, спрашивает у него: молодой человек, сколько раз вы дарили своей невесте цветы?

— Ни разу, — отвечает, — еще времени не было.

— А когда у нее день рождения, знаете?

Миша меня толкает: я же говорил тебе, чтоб паспорт показала!

Женщина рассердилась: здесь не место для шуток, придете в следующий раз, когда хотя бы познакоми-

И вдруг чувствую какой-то молчаливый заговор вокруг себя: отец старается прийти поздно, маме еле удается скрыть от меня слезы, куда-то все время пропадает, двое младших братьев и сестренка, обычно такие шумные, почему-то тихими стали. Раньше только и разговоров, что о Мише, ставшем всеобщим любимцем в семье, а теперь...

...Правду узнала только через две недели, скрывали, берегли меня, мама сама дежурила в госпитале. Как это произошло, об этом мне не рассказали, знала лишь, что «при исполнении» и еще то, что на его месте мог оказаться другой, но он не допустил... В этом тоже была Миша.

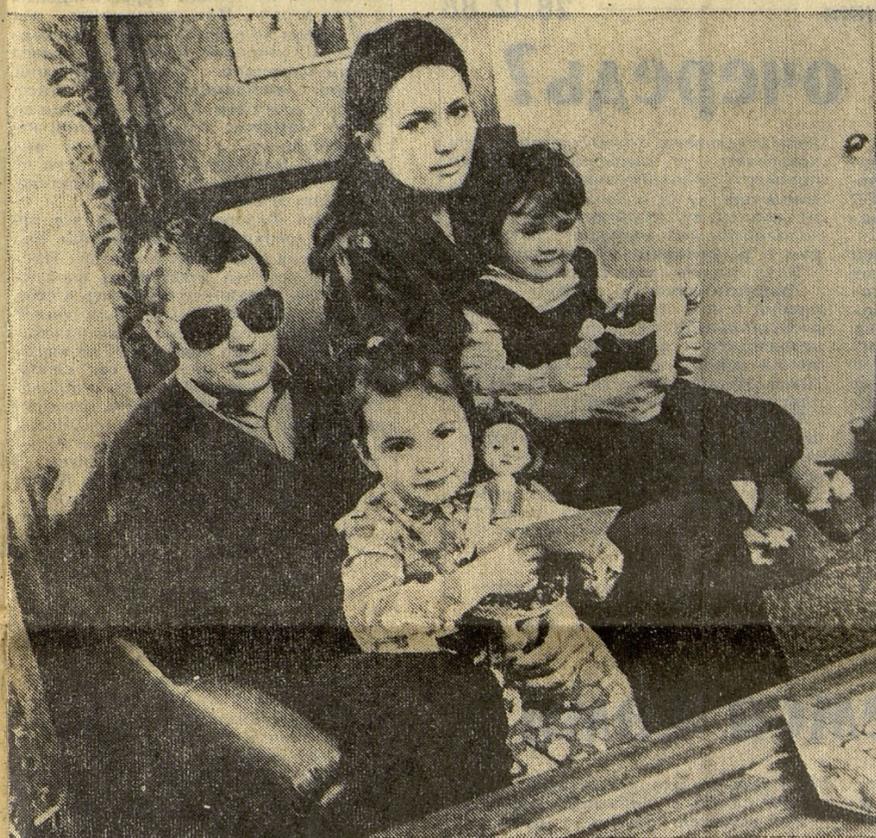
...Подорвался мой командир страшно: лишился правой руки до локтя и потерял оба глаза. Когда начальник госпиталя пытался осторожно сообщить мне это, я потеряла сознание.

«БТР, не стои так тонко, ты же не девочка. Так держись — нельзя нам нынче вни!» А дойдем — от пыли всю седую, я тебя, любимая броня, крепко обниму и расцелую, точно морду мокрую коня...»

Она:
— Дома чуть ли не траур. Все вокруг сочувствуют. Потом поползли осторожные намеки: мол, ты молодая, красивая, найдешь еще свое счастье. Или: жаль Мишу, очень жаль, но что поделаешь, раз случилось такое, а тебе о себе надо подумать.

Что касается родителей, то мама все время плакала, отец только и произнес: «А как ты думала, быть женой офицера?» Братья — те были настроены решительно и бескомпромиссно: «Бросить Мишу — ты нам не сестра!»

Но я ни у кого не спрашивала совета, у меня была одна мысль — скорей бы утро, чтобы снова очутиться рядом с ним и... успокоиться.

Все тот же золотой сентябрь

тес. Пришлось показывать моему жениху офицерское удостоверение, дабы убедить официальную представительницу, что он никаким не аферист.

Он:
— Свадьба состоялась 6 октября. А через две недели я неожиданно получил новое назначение на границу.

Приехали на место. Дали нам с женой маленькую комнату с подселением: в доме все семьи офицерские. Условий никаких, все «удобства» на дворе. Зимой 40° мороза, стены в коридоре инеем покрыты, вода в ведре замерзает. А в комнатке у нас — рай.

Служба началась тяжелая, настоящая, не то, что при штабе. Окунулся с головой, иной раз сутками пропадаю на точке. Зато домой летел на крыльях. Маргарита уже ждала ребенка...

Она:
— Весной я уехала в Читу на сессию, а поскольку Мишу перевели на запасной аэродром, мы решили, что до родов я побуду у родителей. Никогда не забуду то наше последнее расставание...

Перед тем, как уехать и оставить меня у мамы, попросил: пойдём сфотографируемся, у нас ведь, кроме свадебных, нет еще ни одной фотографии вместе. Ой, да я такая страшная сейчас, с таким животом, нет, не пойду — отказалась. Если бы знала тогда...

А когда прощались, появилось необъяснимое чувство тревоги, первый раз расплакалась. Потом места себе не могла найти. Дни шли, а от него ни писем, ни звонков — знала, не может такого быть! Уж он-то из любой точки земли найдет способ связаться со мной.

Весь июль Миша пролежал в реанимации, и только в августе меня пустили к нему в палату. Узнал меня по шагам... Нет, не могу про ту встречу...

Он:
— Первое, что я попросил: ребята, сделайте протез. Так, гитару в руках держать можно, петь тоже — порядок, остальное переживем. Тогда я еще не знал всю правду про глаза... Когда пришли из общества слепых — не понял зачем...

Отчаяние? Да, было. Стоял перед открытым окном, слышал шум листьев, чувствовал тепло солнца — неужели вечная темнота? Стонал по ночам, все внутри переворачивалось, искал в себе самую точку опоры.

Самое страшное осознание — то, что я, каратист, спортсмен, мужик, теперь физически не смогу защитить Ее, с чем смириться моему характеру было невозможно. Уйти из жизни? Нет, даже в том состоянии понимал — слишком это дорогая штука — жизнь. Давая, командир, включай запасной, попробуй выработать для себя новую систему координат.

Уверен ли был в ней, в женщине, которую любил больше всех на свете, которая ждала моего ребенка? Одно знал: если выдержу я, выдержит и она. Я — в первую очередь, черт возьми! С меня — главный спрос. Только в этом случае оставлю за собой право на любовь. И я «держал броню»: «дойдем — потянем расцелую», как в той военной песне. (Берет гитару, четырехлетняя Леночка устраивается на коленях у папы и с азартом подпевает ему совсем взрослому песню, смысл которой ей еще предстоит понять).

Рядом с ним, представьте, было спокойно, и я забывала все на свете, кроме него.

Миша, казалось, ничуть не изменился внутренне: как всегда «уверенный в себе до безобразия». В его палате постоянно друзья, съехавшие из разных городов — у них такая крепкая мужская дружба, шутят, смеются, бренчат на гитаре, тот же гусарский жаргон. А ведь перед тем, как первый раз войти к нему, были страшно подавлены, не знали, как себя вести.

Настроил шел от Миши, я видела это. Как теперь понимаю, и меня тоже подерживал муж (а не я его), даже командовал по-прежнему мной, и я по-прежнему находилась под влиянием и обаянием его личности. Господи, думала, да где же я себе еще такого найду!

...В сентябре я родила Леночку. Увезли меня в роддом прямо из Мишиной палаты. А в день выписки нянечка кричит: собирайся скорей, муж за тобой уже приехал. Если бы... — подумала с тоской, аж сердце скакало, но взяла себя в руки. Выхожу в холл — действительно Миша! С цветами. Непостижимо! И в этом тоже весь он.

...Как будем жить дальше, если честно, я тогда не представляла: муж — инвалид, я не работаю, ребенок маленький. Вся наша жизнь перевернулась с ног на голову — и это первый год замужества! После выписки из госпиталя Мише нужно было несколько раз в сутки промывать и закапывать глаза, швы на лице еще не зажили после пластической операции... Я стала его медсестрой. Делала перевязки и сама плакала от боли. Боже, он никогда не увидит нашу Ленку — мысли путались. А

он... Нет, он не спрашивал, люблю ли я его, нет ли у меня каких-нибудь «не тех» намерений, и мне в любви не клялся. Он оставался собой: как и прежде, все решения брал на себя, командование нашим семейным кораблем — тоже. Получила от него «приказ» — собижаться в Тамбов, к Мишиным родителям — собрались, уехали.

Он:
— Инвалидность — как ее преподнесешь, так и будет тебя воспринимать. А семья, любовь... Я отдавал себе отчет в том, что нельзя просто эксплуатировать это чувство. Я был стеной, я должен был его оставлять для жены. «Броня» — вещь временная, в данном случае лишь спасательный круг, позволяющий какое-то время держаться на плаву. Надо было выбираться на берег, становиться на твердую почву, брать на себя заботы о семье, в том числе... и материальные.

Несколько месяцев дома, в Тамбове, под опекой двух нянек — жены и матери — еле пережил: находиться в бездействии больше не мог. Узнал, что в Ленинграде есть какой-то уникальный Центр реабилитации для слепых. Вышел на Матвеева Леонид Алексеевича — заместителя председателя Ленинградского областного общества слепых (потом этот человек станет для меня «крестным отцом», идеалом мужского духа. О нем разговор особый: мальчишго подорвался на mine во фронтовом лесу, последствием — хуже моих. Но есть семья, дети, окончил факультет психологии в университете — можно, можно же выбраться!). Почувствовал меня Матвеев, дал доброту — приезжай!

Взял рюкзак, гитару и рванул от своих дам, Или вернулся на коне или...

В Ленинграде началось, наконец, возвращение к себе. Помогали специалисты. Каждый день аутотренинг, оздоровительная гимнастика, практическая адаптация — самообслуживание, чтение и письмо по системе Брайля, печатание на машинке (это сейчас я разделил: печатает в основном моя секретарша), овладение деловыми навыками — я же по специальности радиоинженер. За месяц усвоил в основном программу, потом пошли уже заработки. Когда есть цель — и жить веселее.

Особенно благодарен психологу, кандидату наук Зое Григорьевне Ермолович, которая много сделала, чтобы «вытащить» меня. Это она помогла снять «броню», выстроила новую «модель командира» и просчитала ее на годы вперед, «подсветила дорогу», по которой нужно илти, на что опираться. Ну это сложное дело, чтобы объяснить.

Во многом помог и старый багаж, то, что приобрел еще до инвалидности, — и физические тренировки, и армейская закалка, и прочитанные книги, и полученное образование. Хотя, конечно, с сегодняшних позиций понимаю, сколько времени в юношестве провел попусту, сколько еще возможностей было упущено. Ну это теперь пацанам своим пытаюсь внушить. Я ведь веду по вечерам секцию рукопашного боя при комсомольском клубе. Тренируем не только мышцы, но и характер. Личность сейчас нужно пробуждать в них.

Она:
— Когда пришла Мишина телеграмма из Ленинграда,

очередной «приказ» — собираться в Лугу, получил назначение зам. директора предприятия по выпуску светотехники — глазами своим не поверила. Потом он сам за нами с Ленкой приехал, когда в Луге — два часа езды от Ленинграда — ему дали квартиру.

Так началась наша новая жизнь. Родилась вторая дочь, назвали Дарьей в честь места, где мы познакомились — нашей «Даурии». В роддом в этот раз Миша не смог за нами приехать — был на курсах повышения квалификации в Москве, но позаботился о нас заранее: дома нас ждало все необходимое. Друзья помогали тоже, на время отпуска приехала Мишина мама.

...Он сразу окунулся в новую работу с головой. Организовал на предприятии экономическую учебу, сам вечерами много занимался. Я читывала на магнитофон нужные ему сведения, делала конспекты. Свой институт мне пришлось оставить... Работают в семье.

Он (корреспонденту):
— Только не надо делать из нас какую-то идеальную семью. Все бывает, как и в любой другой: и дети болеют, и на работе устаю, и нервы иногда не выдерживают у обоих — срываемся. Обычно по мелочам. Я привык к организованности, твердому распорядку, это тоже входит в мою работанную систему...

Она (перебивая):
...и меня привлекает к дисциплине, а я не сдаюсь, дом — не армия...

Он:
...За это вас и любим, что не сдаетесь без боя (оба смеются). А если серьезно, то она всегда старается меня понять, первая идет на примирение.

Вы не подумайте, что все, что я говорю, — бравада перед корреспондентом. Я давно снял «броню» — тяжелая это вещь — и перестал «брыцать оружием», живу нормальной жизнью со всеми ее прозаическими проблемами.

ми и заботами: где достать мебель, купить «варенку» жене... Перестал самоуверенно ждаться там, где это бессмысленно и выглядит уже по-мальчишески. Раньше, когда только приехали в Лугу, мы с ней и детьми ходили на речку, так мне нужно было непременно всю переплывать ее, чем повергал жену в ужас. Теперь плыву на ее голос зря не тревожу, она ведь главная в моей системе, что скрывать...

Январь 1989 г. В кабинете заместителя директора завода Михаила Владимировича Смольянинова.

Здесь все обычно, как и в любом другом служебном кабинете. Прежде чем войти, он включает свет — это тоже наработка его действующей системы, как и картины на стене и строгое соблюдение аккуратного внешнего вида. Когда выходили из дома Маргарита вспомнила про его элегантно широкую черную шляпу, в которую любил «погусарить» четыре года назад: может, наденешь? Что еще осталось у него с тех времен, так это прежний юмор: мадам, изысканный инвалид — это уже слишком!.. Поцеловал жену и вышел из дома в летней куртке с надписью «ВВС» на рукаве.

Да, «броня» снята.

...В кабинете на столе у двадцатисемилетнего зама — письменный прибор Брайля, специальные записные книжки, кнопочный телефон, вся необходимая оргтехника. Нажимает на клавишу магнитофона, ищет нужный текст, и я слышу знакомый голос Маргариты...

В этот кабинет Миша пришел последний раз.

Она:
— Когда муж сообщил, что надо опять куда-то ехать, я чуть не расплакалась. Только наладилась жизнь, все вошло в свою колею, и вот опять... Мальчишки, его, допотопные, и те ходят подальше — жалко расставаться. Миша, ведь у них кумир, некоторые даже такие же черные очки носят, как у него: стараются подражать во всем. А между собой знаете, как его называют, — «зрячий».

Он:
— Я окончательно освоился со своим новым положением, два года работы с людьми дали многое, я почувствовал уверенность в своих силах и то, что способен уже на большее. Мне 27 лет, я должен идти дальше. Занятия психологией, экономикой, социологией не прошли даром, думаю, мой «специфический» опыт может пригодиться не только мне. И потому хочу написать диссертацию. Кроме того, появилась возможность новой интересной работы в Тамбове. Опять же там родители. Их тоже надо поддерживать. И потом, это город моего детства, где каждый камень знаком, по которому могу ходить с закрытыми глазами. Теперь, к сожалению, в самом прямом смысле. Но жизнь продолжается...

В редакции. По возвращении из командировки в Лугу.
Из разговора с коллегой-журналистом:
— О чем материал привезла, что-нибудь актуальное?
— Да. О Мужчине, рядом с которым хочется быть Женщиной.
Татьяна ПАНИНА.
(Наш спец. корр.)

Луга.
Фото Ю. Сухорунова.